

КТО Я, И ЧТО Я ДУМАЮ

Прежде всего скажу, кто я и что я. Мне девять лет и зовут меня Марусей, но называют просто Мусей, а двоюродный брат, Володя, почему-то Муркой. Ведь мальчики всегда что-то не по-людски делают! Красотой я не отличаюсь... Зато мамочка моя прехорошенькая! Положим, это не совсем всё равно, но всё-таки приятно, что в семье есть кто-нибудь, кем можно похвастаться. А уж мамочкой своей смело могу гордиться: красавица она настоящая и совсем, совсем молоденькая! Её все извозчики за барышню принимают, когда мы с ней идём по улице:

— Пожалуйте, барышни, лихо прокачу!

Да и не одни извозчики, а все решительно не могут надивиться, как у такой молоденькой хорошенькой мамочки такая большая толстененькая дочь, так как тумбочка я порядочная.

Папа и мама всегда повторяют мне, что я дурнушка; но от этого читателям ещё ясно не станет,

какова я, потому что и дурнушки бывают разные. Сейчас объясню поподробнее. Волосы у меня чёрные, вьющиеся, довольно короткие, которые приводят в настоящее отчаяние мою бедную мамочку: как их ни причеши — через полчаса торчат во все стороны («Как у индийского царя», — говорит Володя). Глаза у меня тоже совершенно чёрные, и папа называет их «тараканчиками». Нос у меня немного кверху, и противный Володька уверяет, что через него видно всё, что я думаю. Конечно, это глупости, и говорит он это только, чтобы дразнить меня, но какое счастье, что на самом деле так быть не может! Ведь это было бы ужасно, если бы старшие иной раз увидали, о чём я думаю! Вообще моему бедному носу не везёт: мамин брат, дядя Коля, тот всегда притискивает мне нос большим пальцем, приговаривая «дзинь-дзинь!», и уверяет, что фасон — чудный для пуговицы электрического звонка. Лицо у меня круглое, беленькое, и щёки всегда розовые; но дядя Коля и тут нашёл к чему придрататься и говорит, что оно точно циркулем обведено. По-моему, неправда: лицо как лицо. Да, кроме того, разве это плохо, если обведено, как циркулем? Значит, аккуратное, не кривое-косое какое-нибудь.

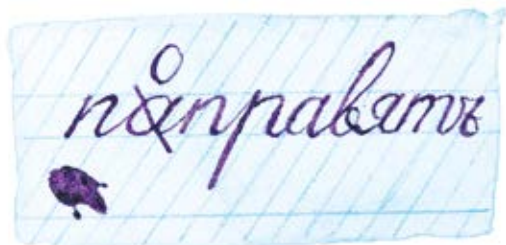
Много бедной мамочке труда стоит заниматься со мной; очень мне её жаль, но что же делать, когда, как нарочно, во время урока мне всё что-то постороннее в голову лезет и никак я не могу думать о том, что мне объясняют. Одни задачи у нас

идут довольно благополучно, и даже мамочка меня хвалит, а уж она даром никогда этого не сделает.

Кто знает, быть может, из меня когда-нибудь выйдет знаменитая женщина-математик! То-то публика тогда наперерыв кинется читать мои воспоминания! Но когда это будет? А теперь надо ещё уроки на завтра учить.

Перечитала с самого начала всё написанное. Какое счастье, что мамочка не видела этих строк! Не говорю уж про кляксы, но ошибки такие, что я некоторые слова сама еле разобрала... Стоит ли писать дальше? Пожалуй, моё потомство ничего не разберёт?.. Впрочем, если только это попадёт в печать, то в канцелярии, или в редакции (как оно там называется?), вероятно, раньше все ошибки поправят. Вон какая масса книг печатается, а ведь ошибок никогда там не бывает; не может быть, чтобы все писатели были уж так хорошо грамотны! Выдумать рассказ не трудно, но чтобы никто, никто решительно из сочинителей никогда не ошибался в букве «ять» и в окончании «ешь» и «ишь» — никогда не поверю!

Буду писать дальше — поправят!

НАША СЕМЬЯ. МОИ КУКЛЫ

6 Кроме меня, детей у нас нет в доме. Это ужасно! Уж как я прошу у мамочки сестру — нет, так и не могу допроситься! И главное, им же самим хуже: если б я была не одна, я бы гораздо меньше им надоедала, а так мне скучно; великое, подумаешь, удовольствие сидеть с французенкой и разговаривать! Да и придира она: что я ни скажу, непременно поправит, всё не так, всё не по её; мудрит только; а кто её знает, сама-то она верно ли ещё говорит? Была бы сестра, совсем другое дело; мы бы вместе играли, бегали; даже учиться было бы веселей, а то одна да одна!

Папа и мама с утра уехали на похороны одного знакомого старичка-генерала, а потому уроков у меня не было. Мадемуазель рада-радёшенька и сейчас же заперлась в своей комнате, уткнувши нос в какую-то книжку. Она всегда так делает, когда мамы дома нет.

Я со скуки пошла разыскивать свою куклу Зину, которая давно уже, бедняжка, не одетая и не кормленная, сидит в своём кресле в детской за шка-

фом; а около неё на кроватке лежит маленькая Лили. Взглянула я на них, и совестно мне стало. Мне всё почему-то кажется, что куклы всё понимают, они не могут говорить, не могут двигаться сами, но я убеждена, что и они чувствуют всё, и грустят, и радуются. Вот и теперь мне показалось, что Зина с таким укором взглянула на меня! Я вообще её меньше люблю, чем хорошенькую белокурую Лили, хотя я и стараюсь этого не показывать: если поцелую одну, то и другую; если же Лили и перепадает иногда лишний поцелуй, то где-нибудь в другой комнате, когда я убеждена, что Зина не может видеть.

Я вообще больше люблю кукол с мягким туловищем, набитым опилками, и с фарфоровыми головами, с ними играть удобнее. Была у меня одна такая, её Тамарой звали, она у меня очень часто хворала, так я всегда после болезни делала в ней где-нибудь дырочку и высыпала из неё немного опилок; она, конечно, от этого худела; ну, тогда я начинала её лечить, везла куда-нибудь за границу или в Крым; там она поправлялась и возвращалась сильно пополневши. Для этого я высыпала ей прежние опилки, а иногда ещё и песку добавляла; выходило очень натурально. Один только раз я перестаралась и пересыпала песку, так что кожа не выдержала и лопнула; пришлось на это место заплатку нашивать.

Я думаю, что наши мамы для того и дарят нам кукол, чтобы мы с детства

Мои куклы

Милли

Памара

Зина

Старикокъ ногъ плитой

приучались быть добрыми, заботливыми матерями. Мне очень стыдно, и это даже, вероятно, грешно, но мне кажется, что я буду очень плохая мать и жена... Маленькие дети — это так скучно, так пищат, так надоедают, а если они молчат, как мои куклы, то ведь тогда так легко забыть про них, уйти в гости, а они останутся дома голодными.

Вообще, что за охота выходить замуж? Что такое мужья? Ведь вот все эти противные мальчишки, как Саша Соколов, Петя Угрюмов, Коля Стрепетов да и все другие Володиные товарищи, — ведь вот за кого мне, например, придётся выходить замуж. Сохрани бог! Ни за что, ни за что замуж не пойду!!!

В три часа наши вернулись с похорон и с ними один папин сослуживец, Леонид Георгиевич. За обедом мама говорила, что старичка похоронили в церкви под плитой, что это стоило две тысячи рублей, но зато это чудно. Я совсем этого не поняла, но не хотела при чужом спрашивать. Зачем хоронить человека под плитой, когда можно его зарыть в землю? Да и для чего там плита? Кто на ней готовит? Я понимаю, если бы ещё там приготавливали пищу для святых, то была бы честь лежать под ней, но, во-первых, их нет на земле; а во-вторых, они бы и не ели ничего... И как это я никогда в церквях плит не замечала? Странно ужасно! Спрошу маму.

ВОЙНА С МАДЕМУАЗЕЛЬ. МОИ ПОЗНАНИЯ

Уж очень много уроков мамочка задаёт; особенно досаждают мне французские диктовки. Прежде мадемуазель начала было мне их делать, но, кажется, она и сама не много лучше меня знает, потому что диктовки мои она всегда поправляла по книге. Мамочка потому и стала со мной сама заниматься.

Господи, какие эти французы бестолковые! И слова-то их пишутся как-то странно: напишут бог знает сколько букв, а половина из них вовсе не произносится. А наша мадемуазель, ничего-то она не умеет: мамочка велела ей всегда чай разливать, а потом мыть чайную посуду, так, во-первых, чай у неё такой, что всегда «Кронштадт виден»*, а потом всякий раз она непременно или стакан раздавит, когда вытирает, или что-нибудь уронит и разобьёт; а уж, кажется, хитрость небольшая; сколько раз я эту работу

* Так говорят о некрепком, прозрачном чае.

делала, и папа говорил, что чай вкусный, и черепков потом с полу не приходилось подбирать.

А злющая она — всё её злит: один раз вечером, когда я уже легла в постель, я и говорю:

— M-lle, il faut faire фю-фю la lampe!*

Что же тут, кажется, скверного? А как она озлилась! С тех пор я нарочно всякий вечер ей повторяю: «Il faut faire фю-фю la lampe», и каждый раз её даже перекосит всю. Однажды она хотела схитрить: я ещё не успела сказать, а она уже взяла да живо и потушила лампу, тогда я и говорю:

— Ah, vous avez déjà fait фю-фю la lampe!**

Она вышла и только дверью хлопнула. Это здорово вышло!

Ай, что я написала! Если бы мамочка видела! Она терпеть не может этого слова и говорит, что это ужасный «mauvais genre»***. А мне так оно очень нравится! Это слово Володя принёс из гимназии, у них все так говорят; чуждое слово! И никаким ведь другим его не заменишь: «хорошо»... «удачно»... «умно» — всё это слабо выходит, а скажешь «здорово» — так здорово выйдет!

Господи, когда же наконец выдержу я этот несчастный вступительный экзамен! Ведь это совсем не так легко, потому что экзамен будет конкурс-

* Мадемуазель, надо «фю-фю» (задуть) лампу! (*франц.*).

** Ах, вы уже «фю-фю» лампу! (*франц.*).

*** Дурной стиль (*франц.*).